

ШКОЛЬНОМУ ПСИХОЛОГУ

УДК 159.922+37.03

Прилепская Н. А.

МЕТОД ИГРОВОЙ КОМНАТЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ

Описана психотерапевтическая практика и практика использования игровой комнаты для детей, методы проведения соционического тестирования и консультирования. Предложены соционические тесты для детей.

Ключевые слова: соционика, психотерапия, игровая комната, соционическое консультирование родителей, соционическое тестирование детей.

В городской психолого-медико-педагогической консультации (ГПМК) г. Каменск-Уральского с 1996 года работает «комната соционической диагностики и индивидуальной игротерапии».

Идея оборудования такой комнаты возникла при знакомстве с публикацией Г. Лэндрета в Московском психотерапевтическом журнале [5], но по разным причинам воплотилась не сразу.

Особенно привлекают три момента при чтении публикаций [5, 6]:

- 1) Дети не всегда могут «вербализовать» свои проблемы. (Соционик на это радостно реагирует: и не должны!)
- 2) Оборудование, набор игрушек — не только прекрасный «стимульный материал» в психологическом смысле. Соционически это грамотно структурированное пространство: здесь есть возможность проявиться психологическим особенностям ребенка на всех уровнях коммуникации: физическом, психологическом, социальном, информационном. Причем, эти особенности несут ту самую печать — «могу», «хочу», «надо» и «знаю», которая и позволяет построить гипотезу о более вероятном типе информационного метаболизма (ИМ) ребенка.
- 3) Построение отношений игротерапевт-ребенок обнаруживает явное использование *дополняющих*, а также отношений *заказа-приёма* в соционическом смысле.

Уже первые недели работы комнаты показали, что через специально, а именно — соционически построенное наблюдение всего, что происходит в игровой комнате, можно быстро «выйти» на действительно актуальные проблемы психического развития ребенка, его «социальную ситуацию» [3], и с учетом типных особенностей ребенка и его окружения — на «варианты развития» [2]. Это даст возможность найти наиболее эффективные пути помощи ребенку и его воспитателям, если таковая необходима.

Комната работает в статусе экспериментальной. Просматриваются следующие направления её использования:

- 1) соционическая диагностика и консультирование с целью профилактики грубых нарушений развития;
- 2) индивидуальная игротерапия на соционической основе;
- 3) «установление хорошего контакта и взаимопонимания для целей консультирования» [2];
- 4) коррекция отношений родитель-ребенок, ребенок-взрослый, ребенок-предметный мир, ребенок-ребенок (брат, сестра) и др.

Оборудование комнаты, размеры мебели, расстояние от пола до полок с игрушками, регулируемая высота мишени для дротиков (липучих шариков) и т. п. рассчитаны на возраст от 3 до 10 лет.

Набор игрушек приближается к списку, имеющемуся в [6], это: настольная песочница (квадратный голубой пластмассовый таз (0,5×0,5м), вода в ведерках и игрушечном аквариуме¹, это куклы, детская посуда, среди которой есть и бутылочка с соской, машинки, один строительный конструктор, пластмассовые животные — до 30 штук, на стене игрушечные часы, зеркало с полочкой и «косметикой», доска и мел, мишень сменная (для шариков и дротиков), с потолка свисает на тонкой нитке цветной пластиковый шар (диаметром 20см), внутри у него звончок, есть детская свирель, на низком столике — краски, бумага, фломастеры, пластилин, на другом столике — куски дерева и молоток с гвоздиками, там же есть уже полуразобранная настоящая кинокамера и отвертка, на одной стене — фотообои «Морской прибор» и два растения...

Количество посещений комнаты ребенком пока варьирует от одного до пяти.

Чаще дети попадают сюда по направлению других специалистов консультации: дефектологов, логопедов, психоневролога. Начали появляться дети и по направления педиатра из близко расположенной детской поликлиники.

У дверей комнаты есть лист предварительной записи на месяц вперед, и он быстро заполняется. На приём одного ребенка отводится один час (45 минут непосредственно общение, 15 – перерыв между приёмами). Есть неприёмные дни – их два в неделю.

Цель направлений — не только получить рекомендации для родителей «как лучше общаться с ребенком», но и как лучше построить коррекционную работу — чем у нас занимаются логопеды и дефектологи. Есть также случаи обращения и непосредственно «с улицы».

Приведем пример.

Лиля², 9 лет. Начальное обучение проходила на дому из-за болезни. Справку, на основании которой учителя посещали ребенка, давала каждый год детский психиатр с диагнозом «истерический невроз». Девочка неплохо осваивала программу и была переведена в пятый класс общеобразовательной школы, в класс компенсирующего обучения, где численность детей не превышает 12 человек. Мама обратилась к психологу с просьбой о помощи в адаптации ребенка к режиму школьных занятий в условиях класса, где будут и другие дети.

Предварительно мама пришла без ребенка, ссылаясь на своё опасение, удастся ли ей уговорить девочку придти на приём. (До этого она приходила сюда со старшим 11-летним сыном — учащимся обычного класса, и получив удовлетворяющую её в какой-то мере консультацию³, обратилась второй раз — уже самостоятельно).

Рассказ о дочери изобилует пугающими подробностями, возникал образ маленького домашнего тирана, произвольно держащего всю семью в зависимости от своих непредсказуемых капризов. Я попросила маму принести до привода ребенка семейный альбом. Перелистывая вместе с мамой страницы, в более спокойной беседе удалось установить «контекст», «социальную ситуацию» ребенка, живущего с мамой, братом и маленькой сестрой в однокомнатной квартире, где часто бывает ещё бабушка, помогая дочери с тремя болезненными детьми, а изредка появляется и папа из другого города, расставшийся с семьёй около двух лет назад. Образ тирана как-то не вязался с тонкими чертами лица хрупкой большеглазой девочки с фотографий. Отсюда и возникла гипотеза... «Интуитская» природа старших членов семьи уже не вызвала сомнений — мама и сын — *тождики*, ■△ (ЭИЭ). По ответам мамы на мои вопросы, Лиля, скорее, была иррационалом, затем, по моей гипотезе — интровертом, хотя мама, приводя примеры агрессивности ребенка, сомневалась в этом. Шкалу *сенсорика-интуиция* я надеялась лучше «отсмотреть» при встрече, т. к. у детей-

¹ Песок, естественно, был тщательно промыт в несколько приёмов, вода меняется ежедневно. Тщательная уборка проводится в неприёмные дни, два раза в неделю.

² Имена здесь и далее изменены.

³ Мальчик был направлен детским психиатром с легким нарушением половой идентификации - «развитие по женскому типу». Яркий ■△ (ЭИЭ).

иррационалов это иногда трудно сделать заочно. Этику же хорошо демонстрировали фотографии: богатство выражений лица говорило о высокой дифференцированности именно этой функции.

Склоняясь в своём мнении, что передо мной предстанет Δ (ИЭИ), я дала предварительные советы по поводу приглашения девочки в консультацию. Удалось также поколебать некоторые страхи мамы, ссылаясь на большую стрессоустойчивость «волновых» людей вообще [4].

Как и ожидалось, в пользу посещения комнаты сработал мотив: «так ли здесь интересно, как говорят мама и старший брат?» — критическая установка *зеркальщика*.

Она пришла с мамой, но осталась в коридоре, пока мама не «доложила» мне. Затем, по уговору, мама вышла, а я поспешила к дверям, и вошла Лиля. Не вошла, а «проявилась» в проёме, а я вдруг отступила и села (наверное, чтобы уменьшиться, не спугнуть). «Лилечка, здравствуй!» — быстро, умеренно громко заговорила я, отслеживая в ответ слабую улыбку и тихое «здравствуйте» «Твоя мама сказала, что тебе надо получше подготовиться к школе». (Девочка, кажется, слушает всем телом, замерев в легком наклоне, руки сцеплены на уровне груди, на губах полувопрос, полуулыбка). «А у нас полагается сначала познакомиться хоть чуть-чуть, а потом уж готовиться». (Легкое расслабление в позе, перевод дыхания). «Ты, пожалуйста, побудь со мной здесь (тут я обвожу рукой игровое пространство) минут сорок (кивок, глаза уже в «комнате»), тут у нас кое-что есть, и ты можешь чем-нибудь заняться, если захочешь, а мне вот надо тут... (подвигаюсь, ужимаюсь к столу, который расположен у нас у самых дверей) сделать свои записи» (отворачиваюсь, беру ручку, склоняюсь над журналом). Тишина. Легкий ветерок мимо. Неслышно, плавно скользнула, как тень, тоненькая девочка с низкой светлой челкой над большими (грустными?) глазами. Нет, в движениях какой-то есть подъём — потрогала пальчиком куклу, посуду, склонилась над грудой пластмассовых животных, задержалась у игрушечного аквариума, тоже пальчиком потрогала воду, рыбки из цветного пластика заколыхались. Зеркало её не привлекло, похоже, мишень с дротиками тоже, а вот и песочница, здесь она уже задержалась, склонившись. Для 9 лет девочка довольно высокая, столик с песочницей низковат для неё... Я шевельнулась: «Ты можешь как тебе удобнее»... — мгновенная реакция замирания, но я смело продолжаю, впрочем, не двигаясь, но бодрым голосом: «Потому что у нас и малыши же бывают, им-то всего три года, нельзя высоко ставить, поэтому каждый — как хочет!». Кажется, появилась легкая усмешка. Лилия трогает песок задумчиво, затем идёт к полке, где в коробке навалом лежат разные животные, начинает перебирать... Проходит время. Какая-то работа идёт в песочнице, и ещё замечаю, что давно идёт тихое бормотание. Мне становится нестерпимо интересно, поворачиваюсь, вытягивая шею, не видя, но ребенок опять замирает. «Здорово, — восхищенно бормочу я, — была пустыня, а теперь как будто... кто-то...» «Это древний мир!» — шепотом впервые говорит Лилия. Я тихо ахаю, откидываюсь к столу, замираю теперь уже от восторга: «Никто этого не делал!» — тоже шепотом.

Какое-то время тишина, я пишу, через некоторое время уже смелее снова заглядываю — в песочнице много зверей — жираф, крокодил, обезьяны, слоны... «А где же динозавры?» — тихо спрашиваю. — «Они вымерли!» — страшным шепотом сообщает Лилия, глядя на меня округленными глазами, рука опять в груди животных, — «А это Африка!» «О!» У меня нет слов от восхищения... «Африка» исчезла. Появились медведи, лось с лосихой и лосенком, кабанчик, олени взбираются по песчаному склону... Но и эта картина исчезла... Лошади, коровы, собаки, свинья... «Ферма», — небрежно, со вздохом, уже вполголоса говорит Лилия. «Да, вижу. Вот как всё изменилось...» — трясую головой в знак констатации неизбежности хода времени... — «Лилия, как ты хорошо занималась, никто-никто здесь так не играл, ты молодец!» Тут Лилия начинает быстро убирать игрушки в коробку. «Время наше заканчивается, мы сегодня не успеваем подняться наверх, у нас там настоящая классная доска и мел, большой класс. В следующий раз придёшь ещё сюда и, может быть не сразу, но мы и туда сходим, хорошо?».

Девочка согласно кивает головой, она какая-то размякшая, расслабленная, мы идём к двери вместе. Там, за дверями, сидит мама, она входит, а Лиля садится в коридоре, я непроизвольно слегка оглаживаю её, не скрывая от мамы своего восхищения от общения с ребёнком.

Наедине с мамой не могу удержаться: «Интуиция времени! Накопленная! Громадная! Интроверт! У вас в квартире есть у неё свой защищенный уголок? Ясно, что под стол от вас прячется. Вы нечаянно её «раздеваете»!.. Она от вас вынуждена защищаться, да, да. Отбрасывает вас от себя... истериками. В общем, приходите одна, отведите сейчас ребенка, я ей сказала, кстати, что она не обязана рассказывать вам про свои занятия, не спрашивайте, потом узнаете.. У меня к вам много вопросов и рекомендаций будет...»

На второй встрече с Лилей мы уже разговаривали немного больше, а наверху с помощью мамы проиграли несколько ситуаций, которые бывают на уроках в школе. Поднимание руки и вставание, ответ, выход к доске, и письмо на доске, и манипуляции с мокрой тряпкой при стирании — как это всё «сенсорно-экстравертно», оказывается! Мы с мамой сначала сами, а за нами Лиля, с поддержкой, с моими комментариями всё это проделывали.

Ещё в паузах я говорила о том, какие разные бывают учителя, почему, как это интересно и весело — разные учителя...

«Лиля, у тебя очень хорошая образная память, ты только вспомни, там, в школе, когда будет трудно, как мы тут занимались, ты представь, что мы-то с твоей мамой тебя понимаем, и как будто с тобой».

Времени на третью встречу у нас не было — семья уезжала в санаторий на две недели, до самого 1 сентября. Но зато в эти дни у меня побывала, по моей просьбе, бабушка, от которой я узнала дополнительные подробности о раннем детстве Лили: старшему, Лёше, было 2 года, когда появилась Лиля. «Как он относился? Помню. С восторгом. Восхищался. Посмотрите, это моя сестрёнка, это ведь девочка! Какие у неё маленькие ножки! Очень потом любил её одевать, платьицами восхищался, как бы завидовал даже... Защищал её всегда, старался о ней заботиться...» «А вы не придерживали его в такой пылкой любви?» — «?.. Он очень хороший старший брат!» — бабушка не понимает меня. Она оказалась прекрасной рассказчицей конкретных ситуаций — наблюдала, как Лиля поступает в отношении младшей сестрёнки. Бабушка живёт отдельно, в двухкомнатной квартире, дети иногда бывают у неё, но не часто, она ещё работает, хотя и на пенсии... Я рассказываю ей, как, по-моему, можно помочь в налаживании «мирной жизни» в этом «детском государстве», одновременно отслеживая своё восприятие этой на редкость несмелой интеллигентной пожилой женщины. Очки, замедленная богатая речь, бережные, приятные эмоции, оживление при воспоминаниях о Лёше... Интуит, логик, интроверт. Ближе к Δ ■ (ИЛИ), пожалуй. Под *ревизией* у дочери и внука... Но это — уже моя, дополнительная версия, заказа-то на диагностику бабушки нет!

Мама появляется только в октябре. По её рассказу, адаптация Лили к школе проходит вполне успешно. Да и еще до школы, в санатории Лиля очень порадовала её адекватным поведением. Она привлекала детей и взрослых редким обаянием, проявилась одаренность в изобразительном творчестве. В школе отметились и собственная ответственность, и вполне приличные успехи. Мальчик ходит в театральный кружок. Там им давали роли противоположного пола. Он замечательно справился с женской ролью⁴...

Теперь мама приступила к оздоровлению 4-летней Настеньки — у неё тоже «букет» своих болезней, так что встречи с семьёй продолжаются...

Эти заметки я делаю с ведома мамы. Можно сказать, что она выбрала наши методы в дополнение к своим, а меня приняла в союзники, что я и констатирую с удовлетворением.

До работы в комнате мной был опробован некоторый специфический инструментальный, о котором я хочу здесь упомянуть, поскольку он тоже применяется, особенно когда

⁴ Ко времени написания статьи Лёша несколько охладел к театру, зато «запоем» читает всякую духовную литературу. 6 класс, 12 лет.

нужно убедительно, ярко «впечатлеть» родителей, показать им необыкновенное в ребенке, вернуть, восстановить или помочь установить родительскую мотивацию. Вот этот инструментарий:

- 1) Набор цветных календариков — 10–12 штук. Я подбирала «представительство» четырёх информационных потоков: животные и растения, «безлюдные» пейзажи, техника, сюжеты из истории. Предлагается рассмотреть и отложить «самые-самые» три штуки (красивые, симпатичные, просто понравились, интересные).
- 2) Разборный калейдоскоп (на «технический интеллект»). Малышам даю сначала в него посмотреть, потом забираю игрушку, и со словами «что-то я сейчас с ней сделаю» под столом палочкой выдавливаю внутренние части калейдоскопа себе в ладонь (он длиной около 7 см, диаметром 2 см). Получается 4 части: футляр, увеличительное стекло, зеркальная треугольная трубочка и кюветочка с цветными стеклами. Высыпаю эти 4 детальки перед ребенком: «Попробуй собрать как было». Справляются с заданием абсолютно все, что всех радует, но процесс сборки насыщен соционической информацией. У этиков бывает несколько попыток.
- 3) Старый, проверивший себя «тест на белую сенсорику». 10–12 сегментиков керамической изоляции от электроутюга. Предлагаю сделать башенку той высоты, какая получится. Показываю. У меня «падает» уже третий сегмент. Ребенку даю столько времени, на сколько он способен сохранить желание. Сегментики похожи на крошечные чашечки без дна, процесс увлекает сенсорных интровертов, они могут поставить друг на друга в зависимости от возраста от 7 до 11 (*иррацио*) штук, при этом столбик может качаться, но не падает! Очень высокий результат однажды «выдал» ●□ (СЛЭ), но у *экстравертов* результат чаще заметно ниже, особенно у рациональных (дальше 5 штук дело не идёт).

Использую также рисуночный тест «Дерево», он применяется и психологами, соционически нужна другая систематизация. Но *экстраверсию-интроверсию* он даёт надёжно.

Уже в комнате обнаружилась диагностическая ценность мишени с дротиками — можно вычерчивать графики, на которых проявляются особенности темперамента, это помогает рекомендовать лучший режим для занятий.

В последнее время использую диагностическую ценность «дощечек Чакаберия» — на «тактильную память».

Таким образом, обнаруживается ещё одна положительная черта в работе «комнаты» — чисто исследовательская. Есть возможность, при соблюдении определенных требований, найти неплохие, компактные, признанные инструменты соционической диагностики детей, дополняющие наблюдение и беседу с родителями.

Л и т е р а т у р а :

1. Аугустинавичюте А. О дуальной природе человека. //Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — №№ 1–3.
2. Бурменская Г. В., Карабанова О. А., Лидерс А. Г. Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей. — М.:Изд-во МГУ, 1990, — 136 с.
3. Выготский Л. С. Проблема возраста. — Собр. соч., т.4, М., 1983.
4. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды. Соционика и социоанализ для руководителя. — Новосибирск, 1995. — 192с.
5. Лэндрет Г. Л. Типичные проблемы игровой терапии и что делать, если... //Московский психотерапевтический журнал. — 1993. — № 2.
6. Лэндрет Г. Л. Игровая терапия: искусство отношений. — М., 1994. — 368 с.
7. Овчаров А. А. Соционика — путь к личности. — Новосибирск, 1992. — 56 с.